

Глава 1

— Син-тя-а-ан!

Вот зараза! Ведь знает, как я не люблю подобную фамильярность. Наедине или в домашней обстановке я уже перестал обращать на это внимание, а на улице, при посторонних, подобное обращение меня сильно нервировало. Впрочем, нельзя показывать, насколько мне это не нравится, такое ее только раззадорит, но и игнорировать не стоит, а то еще привыкнет. Так что, изобразив на лице легкую степень недовольства, я обернулся.

— А, Кояма-сан, привет. Давно не виделись.

— Ты что, мелкий, рехнулся? Забыл уже, кто тебя утром разбудил да из дома в школу погнал?

— А-а-а, так вот кто у меня все утро перед глазами мельтешил. Ну извини, не заметил.

Хрясь. Профессиональный удар в печень был не то чтобы болезненным, но довольно-таки неприятным. Да это и неудивительно. Ведь кто-кто, а Кояма Шина очень хорошо умеет и нападать, и защищаться.

— Это чтоб ты проснулся, наконец, а то вдруг еще что-нибудь важное не заметишь.

М-да... И ведь что паршиво: не угадаешь, когда ударит, а когда проигнорирует. Одним словом, дитя, блин, женского рода. Ладно, Макс, спокойствие, только спокойствие. Она всего лишь ребенок, семнадцатилетняя девчонка, изучающая боевые искусства чуть ли не с рождения. А ведь в этом мире, который всегда был и остается вотчиной мужчин, никогда знать не знали о такой вещи, как феминизм. Хоть на первый взгляд и кажется, что это не так, но женщина тут практически является собственностью семьи, рода, клана. И как бы Шина ни вела себя, и что бы она ни думала, пойти против воли отца или деда для нее немыслимо. И так повсеместно. Хотя бывают исключения, но относятся они скорее к семьям, где мужики — полные рохли. Впрочем, мне от этого ни тепло, ни холодно.

Кстати, да, стоит, наверное, представиться. Меня зовут Макс, Максим Рудов, и я тот самый сказочный попаданец.

— Ну, что скрючился, идем, а то опоздаем еще из-за тебя.

— Из-за меня, блин! Офигеть... — прошептал я.

— Что-то я тебя не расслышала, что ты там пробормотал?

— Говорю: как скажешь, великая госпожа.

— То-то же, всегда бы так! — и, выпрямив спину, гордой походкой аристократки поплыла вперед.

Наверное, стоит сказать, что сегодня шестое апреля, а значит, начало нового учебного года, и, соответственно, иду я в школу. В первый класс старшей школы Дакисюро.

Высокие заборы, за которыми прятались частные дома и особняки, высились по обе стороны дороги. Из калиток то и дело выходили люди. Дети и взрослые, мужчины и женщины спешили по своим делам. А я, стараясь не отстать от Шины, быстрым шагом идущей впереди, думал о том, что зря я все-таки выбрал эту школу. История выбора вообще довольно-таки забавная.

После окончания средней школы передо мной встал вопрос: продолжать учебу или нет? И если продолжать, то где. Ну а так как живу я без родителей, то и выбор полностью на моей совести. Про родителей и мою жизнь после их ухода из нее — вообще отдельный рассказ, я бы даже сказал, эпопея, но об этом потом. Так вот, после того как я окончил среднюю школу, семья Шины, мои соседи, буквально взяла меня в осаду. В ход шло все: от банальных рассказов, какое Дакисюро прекрасное учебное заведение, до приглашения на обед в честь дня основания школы и, соответственно, многочисленного повторения историй о ней и общего восхваления.

Я долго не мог понять, что происходит и зачем им меня вообще туда сватать, пока не произошел один случай. В тот вечер мать Шины, Кояма Кагами, позвала меня на ужин, и, даже чувствуя, чем все это закончится, я не мог отказать этой добрейшей женщине (кстати, семейство Кояма, зная это, нередко пользуется моим к ним хорошим отношением).

Не знаю, как так получилось, но на нашей улице, состоящей из стандартных двухэтажных частных домов, только мои соседи жили в приличного размера особняке, выстроенном в традиционном японском стиле, с немаленьким двором. И все это богатство было окружено двухметровым каменным забором. Впрочем, его высота не мешала сестрам Кояма с легкостью преодолевать это препятствие, чтобы сделать мою жизнь излишне веселой. Правда, Шина, старшая из сестер, последний год перестала так делать, видимо, поняла наконец, что девушке ее возраста скакать через заборы неуместно. Жаль только, что совсем приходится ко мне она не перестала, нашла, видите ли, мальчика для битья. Сам я никогда, хоть и мог, не лазил через заборы, так что, выйдя за крыльцо и пройдя несколько метров, я просто открыл калитку и зашел в эту обитель зла. Утрирую, конечно, но детскую часть семьи Кояма иначе как демонами не назовешь.

Миновав двор, я снял обувь на генкане — небольшом, сантиметров десять в высоту, камне, тянущемся вдоль лицевой части здания. Пройдя по узкой, метра полтора, веранде, зашел в дом.

— Добрый вечер всем, — сказал я, чуть повысив голос, так как в прихожей никого не было.

— Синдзи-и-и! — Визг из глубины дома сменяется топотом, и шестнадцатилетнее рыжее чудо с разбегу прыгает мне на шею. — Синдзи, Синдзи, я наконец освоила тот ужасно сложный прием и теперь могу ломать кирпичи головой!

Что? А, ну да. «Доспех духа». Это не то чтобы прием, а скорей способность, которую тренируют последователи любой боевой техники, — умение концентрировать вокруг тела слой энергии, которая и защищает, и помогает атаковать.

Самих техник в этом мире великое множество. При этом они разделены на четыре категории: рукопашный бой, фехтование, бой тупым оружием и бой метательным оружием. В последнюю категорию входит также и огнестрельный бой. Ну и уже сами категории подразделяются на различные техники. Например, Кояма используют «огненную технику рукопашного боя». А есть, например, «техника тени метательного оружия».

Ну а что касается кирпичей и головы, то это давний бзик Мизуки, младшей сестры Шины. Дело в том, что Шина исполняла этот фокус еще в одиннадцатилетнем возрасте. И когда Мизуки удочерили, это было первое, что новая сестра ей показала. Неудивительно, что маленькая десятилетняя Мизуки поразила до глубины души. Правда, повторить подобное она смогла только сейчас, спустя шесть лет, что неудивительно, ведь Шину начали обучать в пять лет, а Мизуки в десять. Плюс я нередко слышал, что старшую сестру Кояма называют гением. Так что все закономерно.

— Мизуки, я, конечно, рад за тебя, но ты не думаешь, что твое поведение не пристало девушке? К тому же вести себя как маленький ребенок в свои шестнадцать... Это, знаешь ли, наводит на определенные мысли.

— Это какие такие мысли?!

— Ну... — «Что ты дурочка неполноценная». — Эмм... Ну а вот об этом ты сама подумай.

— Подумай, подумай, — скривилась она. — Да плевать на это, ты ведь не посторонний, почти член семьи, уж с тобой я могу вести себя как угодно.

Вот, блин, счастье-то какое!

На пороге соседней комнаты появилась Кояма Кагами — мать семейства, умница, красавица и просто изумительная женщина.

— Ребята, мыть руки, и за стол.

— Уже бегу, мам. — И, отцепившись от моей шеи, Мизуки ускакала в глубь дома.

— Как скажете, Кагами-сан, — ответил я, поклонившись в знак приветствия. — Выглядите, как всегда, прекрасно. — Комплимент женщине никогда не лишний: и мне не трудно, и ей приятно.

— Ох, Синдзи, ловелас ты малолетний, беги уж быстрее руки мыть.

Зайдя в гостиную, я усмехнулся: в токономе, нише внутри стены дома, где обычно стоял телевизор, сегодня находился горшок с японской пальмой, она же цикас, а на центральной стене висел черно-белый рисунок с изображением каких-то дядек и листьев той же пальмы. Если кто не знает, герб школы Дакисюро — именно пальма, точнее, листья пальмы. Которые, в свою очередь, являются символом победителей.

Где-то минут через десять, когда первый голод был утолен, Кояма Кента — крепкий еще шестидесятидевятилетний мужчина, дед Шины и глава семьи, начал наконец разговор, ради которого меня сегодня и пригласили.

— Синдзи, ты уже решил насчет старшей школы? — Старик Кента смотрел на меня внимательно и строго, всем видом показывая, что вопрос более чем серьезный.

В принципе, я уже давно определился с тем, что пойду в старшую школу, для легализации это необходимо. Но уж точно не туда, куда ходит Шина. Однако говорить об этом родным Шины мне было как-то неловко. И вот тут я совершил ошибку. Можно было найти десяток причин, почему я хочу идти в другую школу, я же выбрал самый дебильный ответ:

— Да, решил. Я много думал и решил закончить обучение на средней школе.

— И по какой причине, позволь узнать? — на лице дедка мелькнула улыбка. — Ты ведь прекрасно знаешь, что дальнейшее обучение очень важно.

— Все как всегда, Кента-сан, все как везде, у меня просто нет денег, чтобы оплачивать школу. — С деньгами у меня сейчас все несколько иначе, но старик знать об этом не может, а значит, и подловить меня на этом тоже не может. — Так что я решил, что лучше мне пойти работать.

— Что ж, в таком случае все решено. Готовься к поступлению в старшую школу Дакисюро,

Синдзи.

— Че?

— Если проблема только в деньгах, а проблема только в этом, насколько я понял, то можешь не беспокоиться, деньги найдутся, — улыбнулся дед.

Так, понятно. Вот в чем дело. Оказывается, что все их телодвижения были из-за банальной жалости! Нет, я парень не очень гордый, во всяком случае, когда у меня были трудные деньки, я проглатывал свою гордость и принимал чересчур частые приглашения на обед или ужин. И когда Кагами-сан приносила разные вкусные блюда, якобы для того, чтобы дитё не питалось одной лапшой, я улыбался и благодарил. Но всему есть предел. И даже моя гордость порой начинает бунтовать.

— Кента-сан, я вам очень благодарен за ваше участие, но нет. Я не могу принять вашу помощь. — Мне стоило определенных усилий, чтобы не взорваться и не натворить глупостей. — Я... не нуждаюсь... в общем, нет. Спасибо, конечно, но нет.

Очень хотелось что-нибудь сделать, сказать что-нибудь злобное, надерзить, выдать парочку сарказмов или, к примеру, бросить палочки для еды на стол и молча уйти — в общем, хоть как-нибудь выразить свое отношение к данной ситуации. Сложность была еще и в том, что в прошлой жизни я не привык скрывать свои чувства. Нет, я умею их контролировать и скрывать их, если надо, тоже умею, все же чему-то меня обучали. Но при этом я оставался Разрушителем, а не каким-нибудь шпионом, и главной моей специализацией была сила, а после определенного этапа моего развития — сила немалая. У меня просто не было причин скрывать свои эмоции, ибо я чувствовал за собой силу.

Для многих, учитывая мой характер, я был весьма неприятным человеком, но даже мое начальство с этим мирилось, потому что понимало: люди моего уровня — профессионалы, они знают, что такое субординация, и они не предают. Даже после встречи с моей будущей женой ничего не изменилось. Светик полюбила меня таким, какой я есть, а ситуация, в которую я попал после нашей женитьбы, вылилась в банальную войну против всех, но никак не в шпионские игры. Так что успокоиться мне стоило определенных усилий, даже не успокоиться, а просто ничего не делать. Ведь злость, по сути своей, была не так уж и сильна, ее я быстро задавил, а вот вредность моя требовала выхода.

К счастью или несчастью, но сделать я ничего не успел, ибо тут и началось самое интересное. Старик Кента сдаваться явно не собирался. Пауза после моих слов была не очень большой, всего пару секунд.

— Хм, Синдзи... — Дед был спокоен как удав, складывалось впечатление, что он заранее продумал весь разговор. — Я ведь и не говорил, что это мы будем оплачивать твоё обучение. Его будут оплачивать твои родители.

Тут необходимо кое-что объяснить. Дело в том, что я живу один. И мои родители не уехали на заработки в другой город или там за границу, они не погибли в автокатастрофе, они не сидят в тюрьме. Ничего такого, отнюдь. Они бросили меня, когда мне было десять. В этот мир, к слову, я попал, когда Синдзи, парню, в теле которого я нахожусь, было восемь.

Проснувшись поутру и не найдя родителей, я и думать не думал о том, что меня бросили. Да чего уж там, я и через два дня о таком не догадывался. Все тянул и не шел к соседям, решил: мало ли. Если бы с ними что случилось, ко мне бы пришли из полиции там или из социальной службы. Ну в самом деле, как быстро бы вы подняли кипеш? Но двое суток, когда у вас

десятилетний сын один дома, — это слишком. Поэтому на третий день, убедившись поутру, что дома никого, я собрался идти к соседям.

Надев куртку, я нашел во внутреннем кармане письмо, в котором мои, с позволения сказать, родители написали, что уезжают за границу и чтобы я шел к соседям Кояма, которые мне помогут. И так мне стало обидно, не за себя, нет, за парня, в теле которого я оказался. Я даже не понял поначалу, что прочитал. У меня в голове не укладывалось, как такое возможно. Умом я понимал, что на свете много грязи, да что там говорить, в своей прошлой жизни, в другом мире, я не раз сталкивался с различным дерьмом и каждый раз ох... офигевал. Но у меня просто в голове не укладывается, как такое происходит. Я не могу понять, как они смогли бросить своего ребенка одного в доме, ребенка, которому всего десять лет? Я уж не говорю про письмо, которое они запихнули во внутренний карман куртки. Нет, ну что за дебилизм? Что им стоило кинуть письмо на столик в гостиной? Я как... эх, уже бывший отец, совершенно не понимал, что творилось в их головах.

В общем, жара. После прочтения письма я задумался, что делать. С одной стороны, надо идти к соседям и рассказать им о том, что случилось. Ибо мне, по большому счету, плевать, где жить: с так называемыми родителями или где-то у родственников. С другой стороны, вся моя прошлая жизнь, ну или большая ее часть, прошла под девизом: не выделяйся. Все должно быть как обычно, как у всех, нельзя обращать на себя внимание. Ведь когда что-то идет не так и на тебя обращают внимание, тут же начинаются проблемы. Так было, когда я работал на правительство, так же было и после, особенно после. Конечно, не всякая необычность приносит проблемы, и в моем случае скорее всего ничего плохого не произойдет, только есть одно но. Я не из этого мира. Вспоминая Вестника и его слова про измерения и про населяющие их существа, не лучше ли перестраховаться? За те два года, что я здесь прожил, я ничего не слышал ни об измерениях, ни об их обитателях. А если верить Вестнику, они есть, а не верить ему у меня повода пока не было. Значит, эти неизвестные существа скрываются, ну, или их скрывают и информацию о них и измерениях скрывают. И вполне реально, что местное правительство что-то знает и имеет способы определять, скажем так, чужаков. И что они с ними делают, черт знает. А ведь мне всего десять было, я вообще никак защититься не мог.

В Японии сироту отдают в приют, только если у него совсем нет родственников, ну или если все родственники от него отказались, что, собственно говоря, не принято. Но вначале мной все равно будет заниматься правительство, пусть недолго, пусть всего лишь социальные службы, но будут. А параноиком я стал уже давно. Кстати, о своих родственниках я никогда не слышал. Что странно, уж за два-то года про какую-нибудь бабушку или деда я должен был узнать. В общем, ладно, все эти рассуждения были немного натянутыми, немного бредовыми и параноидальными, но зерно истины в них имелось. К тому же не последнюю роль в моих рассуждениях сыграло то, что в одиночку у меня будет больше свободы. Да и скрывать мне придется гораздо меньше.

Так что я решил соврать и замутить нехилую аферу. Я сказал всем своим соседям, что родители уехали за границу на заработки, а деньги на жизнь будут мне присылать. Да, не бог весть что, но такое случается, все в пределах нормы. Единственный косяк был с моим возрастом, но, к счастью, прокатило, хоть все и были возмущены таким безответственным поведением родителей. Позже я часто спрашивал себя, правильно ли поступил, и каждый раз находил и плюсы, и минусы такого решения. И со временем количество и тех и других только росло. Но вот сделать я уже ничего не мог, ибо брошенный ребенок — это одно, а выживающий десятилетний мальчик — совсем другое.

И вот теперь старик Кента, который знать не знает о моей ситуации, говорит, что оплачивать мое обучение будут родители. И это, похоже, шах моему королю. Ведь получается что?

Во-первых, старикашка может быть в курсе моей реальной ситуации. И я даже не предполагаю, во что все это выльется и чего мне теперь ожидать. А главное, какого черта он все это время молчал? Вопрос, кстати, интересный. Не тот человек Кояма Кента, чтобы молча смотреть на брошенного десятилетнего мальчишку. При любом раскладе. Даже, к примеру, если бы родители, уезжая, предупредили его обо мне. Даже если бы я после этого обманул всех, сказав, что они меня не бросали и будут высылать мне деньги. Даже тогда он бы не стал делать вид, что все нормально, и вести себя как обычно. Уж как-нибудь, но он бы обозначил свое знание. Значит, тогда он не знал. А со временем узнать об этом становилось все сложнее. Вот начать что-то подозревать он мог, мозгов у этой семейки хватает. Но подозрения к делу не пришьешь. А теперь, спустя шесть лет, после всей моей работы по затиранию хвостов, узнать правду можно, только спросив у меня прямо. Либо, вот как сейчас, сбивая с толку и провоцируя, постепенно собирать информацию. Но послать старика куда подальше я не могу.

Во-вторых, Кояма Кента может и не знать ничего. Вполне возможно, что это была импровизация. Для него сейчас важно, чтобы я согласился. И отмазаться легко: мол, я хотел как лучше. Или вообще сыграть в дурачка, заявив, что я что-то не так понял, а чтоб разобраться, предложить позвонить моим родителям... Короче, куда ни кинь, всюду клин. Но мы еще побарахтаемся, соображалка и у меня присутствует...

— Синдзи, мы не можем, да и не хотим лезть в твои личные дела, — взял слово Кояма Акено, отец Шины. — Но ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что продолжение учебы необходимо, без этого тебе будет гораздо сложнее устроиться в жизни.

И вот попробуй пойми, к чему именно он это сказал.

— Син-тян, ты для нас не просто соседский мальчишка, ты почти родственник, — проникновенно начала мать семейства. — Мы желаем тебе только добра и никогда не посоветуем тебе что-либо плохое. А школа Дакисюро — отличный вариант.

Все, шах и мат. После того как в дело вступила Кагами, отказаться мне очень сложно, по крайней мере беспричинно. Тем более до этого старик всего одной фразой загнал меня в угол. А обижать эту семью мне очень не хотелось. Ну, привязался я к ним, привязался. Осталось только сгладить углы насчет моих родителей и согласиться.

— М-да, не думал я, что отец позвонит вам, после того как мы с ним... разошлись во мнениях. Знал, кому звонить. Скажите только, почему Дакисюро. — Я, конечно, и так знаю почему, но хотелось услышать их версию. — Ведь, насколько я слышал, попасть туда непросто.

— Ну, начнем с того, что эта школа ближе всего к нам, там отличное обучение, очень хорошие учителя, которые разбираются не только в своем предмете, но и в жизни и, если что, помогут тебе с проблемами или дадут нужный совет. — Вот это вряд ли. Вы, Кента-сан, даже не подозреваете, какие у меня могут быть проблемы. — Там множество различных клубов, и ты наверняка найдешь себе занятие по вкусу. Ну а в конце обучения школа выдает рекомендации и помогает устроиться в институт, куда никак иначе ты бы попасть не смог. В целом это очень хорошая школа, окончание которой сильно поможет тебе в дальнейшей жизни. Ах да, забыл сказать: в Дакисюро учится множество детей влиятельных родителей, и знакомство, а то и дружба с ними помогут тебе приобрести нужные связи.

Хм, а вот об этом я слышу впервые. Связи — это, конечно, хорошо, но вот учиться с избалованными детишками как-то не айс. Впрочем, переживу. Зато о том, что в той же школе учится Шина, а Мизуки поступит в этом году, я не услышал. Ну и ладно, выбора-то они мне все равно не оставили.

— Хорошо, Кента-сан, Акено-сан, Кагами-сан, вы меня убедили. — Кстати, можно поставить их в неловкое положение, чтобы впредь не лезли в мои дела. — Сегодня же позвоню отцу, пусть высылает деньги.

— Эм... хм... — промямлил Кента. — Синдзи, знаешь, лучше ты ему не говори про нас. Видишь ли, твой отец просил не упоминать его в нашем разговоре, и, если ты меня выдашь, я буду выглядеть не лучшим образом.

Что ж, мне тоже выделяться не с руки, так что спустим все на тормозах.

— Раз вы просите, Кента-сан, тогда ладно. Скажу, что Шина-тян меня переубедила.

— Что? — вскинулась Шина.

— Шина, — вроде и негромко сказала Кагами, но таким голосом, что и я бы уgomонился, не то что родная дочь. Мне за это потом, конечно, попадет, но это потом, зато сейчас весело на нее глядеть.

— Ну, раз все решено, давайте закончим с делами и отдадим должное стряпне Кагами-тян, — сказал старик Кента и с улыбкой до ушей взял палочками креветку в кляре.

Итак, что мы имеем? Кояма жалеют бедного мальчика и хотят ему помочь. Скорей даже не жалеют, а просто желают добра. Мой вечный уход от темы Дакисюро убедил их в том, что я вообще не хочу или не могу пойти в старшую школу. Что и вызвало этот разговор. А вот пассаж в сторону родителей доказывает их подозрения на мой счет. Маловероятно, что все происходящее было импровизацией, уж больно глупо это было бы и нелогично.

Станный у нас вышел разговор, странный и опасный. Да и ситуация до конца непонятна. Ох, чувствую, аукнется мне все это в будущем.

* * *

Вот так и получилось, что в первый день учебного года я топал по дороге в старшую школу Дакисюро, а не в какую-нибудь другую. А все из-за своего тупизма. Эх, а ведь в прошлой жизни была возможность расширить кругозор. Хотя бы на лекции по психологии походить. Но нет, я ведь Разрушитель, мне все это не нужно, моя работа — убивать и крушить, а не разговоры разговаривать. Вот теперь и расплачиваюсь. Самое обидное — понимание того, что мне все эти «лишние» знания пригодились бы даже в том случае, если бы меня никуда не выкидывало. Вот правда, вроде не дурак, а так по жизни тупил, что сейчас выть хочется. Тридцать восемь лет прожил, а ума не нажил.

Ладно, черт с ним, с самобичеванием, Дакисюро-то, оказывается, элитная школа, а значит, и перспективы у меня замечательные. Все-таки попасть в одну из подобных школ мне не светило, тут денег и отличных оценок недостаточно, еще и связи нужны. Которые у Кояма, оказывается, есть. Ну а гиперактивных сестричек как-нибудь переживу.

Кстати, интересно, где Мизуки? Если еще и эта безбашенная особа появится, то поход в школу станет совсем некомфортным. Об этом я и поинтересовался, догнав идущую впереди Шину.

— Так она вперед убежала.

— Она что, опять бегать будет? — удивился я. — Нет, ну ладно в средней школе, там и расстояние приличное было, хоть какая-то тренировка. Но Дакисюро! Тут бега — пять минут.

Вспотеет только зазря.

— Девушки не потеют, — отрезала Шина. — Не в семье Кояма, по крайней мере, — уточнила она.

Мне ужасно захотелось сострить по поводу потеющих девушек, но я сдержался. Могла и обидеться. Ведь обидеть совсем не то что разозлить, ну, или там смутить, особенно близких, хоть и раздражающих порой людей. С Шиной в этом отношении легче, она вообще-то чаще всего не обидчива, хотя ее легко разозлить, смутить, рассмешить, удивить и даже испугать. А вот различные подколы по поводу внешности она не переносит, что, по-моему, странно, ведь как раз с внешностью у нее все очень даже неплохо, от иссиня-черных волос и до пальчиков ног. Ну, ее закидоны — я просто стараюсь не касаться этой темы. Особенно сейчас, когда нахожусь в непосредственной близости от ее рук, да и ног, к слову.

Дорога до школы в общей сложности заняла минут пятнадцать. Уже подходя к школе, я сумел заценить местных девчонок. Они все, как на подбор, оказались весьма миловидными, а многие так и вовсе красотками. Что, согласитесь, странно. Такое впечатление, что я в молодежный сериал попал. Впрочем, я, конечно, могу и ошибаться, все-таки толпа школьников была немалая, все в движении, да и я на них старался не пялиться. Но то, что я увидел, создавало именно такую картину. Хотя главное не это, вкусы-то у всех разные. Больше всего меня удивило поголовное спортивное телосложение, и не только у девушек. И многие занимались рукопашным боем, что заметно по характерной походке. Это что же получается? Целая школа спортсменов и рукопашников? А я думал, что здесь должны учиться мажоры. Ох, что-то у меня плохие предчувствия.

У самых школьных ворот Шина меня остановила:

— Ну-ка, иди сюда.

— Извините, девушка, но мое сердце отдано другой.

— Да хоть другому! Ты, главное, стой спокойно.

Критически осмотрев меня, начала поправлять воротник. Затянула галстук — непременный атрибут школьной формы, стряхнула что-то с рукава. Вновь осмотрела меня, но явно осталась недовольна.

— Может, хватит уже! Что тебе еще не нравится? — по моему скромному мнению, выглядел я как минимум нормально. Новая, с иголки, форма на всякий случай отутюжена вчера вечером, хотя обычно я на это не обращаю внимания. Ботинки начищены. Даже портфель — и тот новый! Что ей еще-то нужно?

Хотя раздражения у меня ее метания не вызывали. Ее идея фикс по поводу моей одежды порой сильно доставала. Шина искренне считала, что я одеваюсь слишком однообразно и совершенно безвкусно. Но сейчас почему-то ее метания вызывали лишь улыбку.

— Увянь. Форма нашей школы тебе на удивление идет, но чего-то все равно не хватает. Тебе подошел бы немного другой галстук, да и цвет рубашки желательно потемней.

— Ох, вот только не начинай. Это ж официальная форма. Даже если ты права, изменить ничего нельзя.

— Это да, — тяжело вздохнула она, — но все равно очень хочется.

Я с содроганием вспомнил наши походы по магазинам, от которых косил, как только мог. Но, учитывая частоту попыток Шины меня туда затащить, время от времени уделять внимание шопингу приходится.

На самом деле в семье Кояма абсолютно все считают, что у меня что-нибудь не так. Шине, например, не нравится, как я одеваюсь. У нее с внешним видом вообще свои разборки, ну да я об этом, кажется, говорил. Ее мать уверена, что я питаюсь слишком убого — одной лишь лапшой. И поэтому она все время впаривает мне рецепты различных блюд в лучшем случае. В худшем — лично проводит со мной мастер-класс по готовке. Так что благодаря Кагами-сан я весьма подкован в поварском искусстве. А Мизуки, смех и грех, повернута на чистоте. Представляете? Эта безбашенная девчонка с ядерным реактором в одном месте — фанатик чистоты и порядка! Когда она забегает ко мне, чтобы вытащить на очередную тренировку или спарринг-избиение, первым делом она обегает весь дом, комментируя, в какой помойке я живу, параллельно, по-видимому, составляя план уборки. Потому что после тренировки возвращается вместе со мной домой и принимается наводить порядок. Я уже давно бросил затею утихомирить ее, меня не трогает и ладно.

Их отец, Акено-сан, с маниакальным упорством пытается привить мне любовь к боевым искусствам и является моим главным источником знаний по этой теме. Ибо в своем стремлении всегда отвечает на мои вопросы, которые появляются даже сейчас, спустя шесть лет, с того времени, как я очутился в этом мире. Все ничего, но вот его стремление показать мне все величие боевых искусств и стиля, практикуемого семьей Кояма, в частности, иногда приводит к спаррингу с его дочерьми. Точнее, меня ставят в пару к ним в качестве манекена, на котором отрабатывают удары. И как я жив до сих пор? А вот старик Кента — самый безобидный из них. Он уверен, что парень, живущий один без родителей, просто обязан знать законы страны. И уголовные, и административные, и вообще все. Что выражается в непродолжительных лекциях на эту тему и втучивании мне различных книг.

— Знаешь, мне все чаще кажется, что ты являешься неким парадоксом. Со стороны ты кажешься человеком, которому подойдет все что угодно. Но как только начинаешь подбирать тебе одежду, выясняется, что все совсем наоборот и, что бы я ни подбирала, тебе все время чего-то не хватает.

— А мне кажется, что ты немного двинулась на этой теме.

В ответ на мои слова Шина нахмурилась и очень-очень недобро на меня посмотрела.

— Впрочем, согласись, все это окажется не важно, если мы опоздаем на вступительную церемонию.

Молчание.

— Может, замнем и пойдем уже? Да и вредно девушкам хмуриться, от этого морщины появляются. — Ох, мать, это я сейчас сглотил.

Отвлекающий в печень и последующий удар ногой в голень ясно показала мою правоту.

— У женщин Кояма не бывает морщин, а мужчины, которым они привиделись, очень быстро об этом жалеют, — очень веско сказала эта чертовка.

— Уже, уже жалею! — Ну а что мне еще оставалось? Не затевать же мне с ней баталию?

— Что-о-о?! — протянула Шина.

...Ой, чуть не матюгнулся. Впрочем, если ты в течение двадцати секунд совершаешь два таких косяка, значит, ты точно тот самый человек на букву «м», который на «к» заканчивается.

— Что значит «уже»?! Что значит «жалеешь»?! То есть ты что, морщины у меня увидел?!

— Слушай, ты, главное, не заводись. Успокойся, — медленно отступая, начал я. — Ну да, сглупил, ляпнул, не подумав. Но я ведь не хотел тебя оскорбить или тем паче обидеть. — Черт, черт, черт. Ладно, пускаем в ход артиллерию. — И вообще, такая кавайная девчонка, как ты, не должна обращать внимания на слова такого, как я.

Фух, вроде начала успокаиваться.

— Может, ты и прав. Да нет, ты точно прав. Не должна!

Хрясь, хрясь. Твою же... Больно-то как. Двойку в печень и грудь она пробила с полуулыбкой, от которой мне даже как-то не по себе стало. Надо бы с ее отцом поговорить. А то прибьет еще кого насмерть.

— И зачем так делать, если согласилась? — спросил я осторожно.

— Чтобы думал впредь, о чем говоришь. И обо мне. И о себе.

Ась? Чего это она?

— Шина-тян! Привет, подружка! — на мою соседку налетела очаровательная особа, ее однокурсница, если судить по цвету галстука в виде банта — обязательного элемента женской школьной формы. — Что, с первого дня терроризируешь новичков?

— Не терроризирую, а воспитываю. Кстати, познакомься, мой сосед — Сакурай Синдзи. А это моя подруга — Минэ Кино.

— Мм? Ну здравствуй, Сакурай Синдзи, — протянула та. — Сосед и друг детства, как я понимаю? Прямо как в манге. И пословица в тему. Ну, знаете, про то, что бьет, значит любит?

— Кино! Я, знаешь ли, и тебя люблю. — Ни смущения, ни раздражения. Похоже, это их обычные подколки друг друга.

— Ах, Шина-тян, я тоже люблю тебя! И в отличие от этого доходяги я достойна быть рядом с тобой!

Однако лично для меня Минэ Кино потеряла нехилую часть своего очарования. Потому что Шину она подкалывала, а вот шутила надо мной. Над совершенно незнакомым ей человеком.

— Приветствую, Минэ-сан. И хочу сказать, что восхищаюсь вашей храбростью, но все же советую бежать из страны. Может, там отец Шины и не найдет вас.

— Что?

— А?

— Да-да, не удивляйтесь, он такой. Никогда не позволит своей дочери выйти замуж, ну или там жениться на женщине. И не обращайте внимания на то, что Шина иногда поколачивает меня, пословицы не всегда верны, — сказал я, серьезно глядя Кино в глаза. После чего, согнав с лица серьезное выражение, как бы между делом дополнил: — Хотя лично у меня однополые связи

вызывают тошноту.

Не знаю, как эта стерва Минэ, а вот Шина душой не была. И судя по расстоянию, на которое я успел отойти от них, способов убийства эта парочка придумала немало. Впрочем, я всячески старался показать, что обращаюсь только к Минэ, так что, надеюсь, Шина не станет меня убивать прямо сейчас. А позже сама успокоится. Ну а на ее подружку мне вообще с высокой колокольни, как говорится.

Когда я отошел метров на десять, девушки очнулись и догнали меня.

— Эй, сосед, а ты палку-то не перегибаешь? — спросила Минэ.

— Эх, отдубасить бы тебя, Синдзи, чтоб за языком следил, — вздохнула Шина.

— Видите ли, Минэ-сан, у каждого своя правда. Я не знаю вас, вы не знаете меня, и, с моей точки зрения, все было как надо. Как с вашей стороны, я догадываюсь. — Намек на ухмылку. — Но если бы за языком следили вы, то и вопросов бы таких не было. Я всем ответил? Никого не забыл? Ну и отлично.

И, стараясь не обращать на этих двух красоток внимания, направился к школьному стенду, где висело распределение по классам.

Пока шел к информационной доске, у которой собралась нехилая толпа, меня догнали девчонки. Шли они, как ни странно, молча. Видимо, обсудив данную ситуацию, решили замять это дело или отложить на потом.

Стенд был достаточно большой, так что мне не пришлось продираться сквозь толпу поближе. Найдя свое имя в колонке «1-D», задумался: идти ли в свой класс сейчас или подождать Шину и пойти с ней. Решил не ждать. В конце концов, что я здесь и сейчас могу интересного увидеть?

— Глянь, Шина-тян, в этом году мы опять будем в одном классе с этими двумя придурками.

— Да не такие уж они и придурки. Ты лучше обрати внимание: состав класса почти не изменился. Так, пара новых имен — и все.

— И правда. Может, у нас все так хорошо, что решили не тасовать?

— Ну, может, и так.

— Шина, — прервал я их, — я пойду, вечером увидимся, если что.

— Подожди, — остановила она меня. — Все время забываю сказать тебе кое-что.

Подойдя вплотную ко мне и нацепив на лицо строгую мину, начала пояснять:

— Запомни и заруби себе на носу. Это не обычная школа, в которой ты учился раньше, а Дакисюро. Большинство здешних учеников (процентов восемьдесят) занимаются боевыми искусствами, а остальные так или иначе с ними связаны, чаще всего через родственников. В принципе, у нас нет дедовщины, как в большинстве других школ, но это лишь потому, что здесь слишком много бойцов, и, пока не получишь по кумполу, не узнаешь, кто сильнее. Прибавь к этому, что практически у всех учеников могущественные родственники, и тех, кто не может защитить себя сам, защитят они. Ты же исключение из правил. Ты не занимаешься боевыми

искусствами, и у тебя нет могущественной родни. Ты совершенно беззащитен, и обязательно найдется кто-нибудь, кто решит пощипать твой перышки. — Краем глаза я заметил, как Минэ приподняла бровь. — Поэтому запомни: если ситуация повернется так, что ты не сможешь избежать драки, сразу ссылайся на меня, напomini этим придуркам, кто твои соседи и что с ними будет, если они не отвалят. Ты меня понял? Знаю, ты не дурак и во многих ситуациях сможешь отблехаться, но если что — не стесняйся и грози мною. — Лицо Минэ сейчас было очень ехидное и немного презрительное. — Ах да, еще одно. Зная твой характер, предупреждаю: если ссору спровоцируешь ты, то даже твое избиеение не спасет тебя от меня, лучше сразу уезжай за границу, может, там я тебя не найду, хотя вряд ли. Все понятно? Все запомнил?

Глубокий вдох, медленный выдох. Спокойствие, Макс, только спокойствие. Она не специально. Она просто не понимает, как сильно меня сейчас гнобит. Может, она считает, что чем больше народу ее сейчас услышит, тем меньше ко мне будут приставать? Хотя какая разница, она сейчас опустила мою репутацию ниже плинтуса. А учитывая то, что у меня как у новичка ее и так не было... Уж не знаю, будут ли меня пытаться поколотить, но вот издеваться начнут со страшной силой. Технически мне плевать. Мне тут всего три года отсидеть, а потом свобода. Но есть несколько моментов. Ни одной особи мужского пола не понравится, если красивая девушка в глаза и прилюдно назовет его слабаком и пообещает защищать от плохих парней. Это просто унижает наше мужское достоинство.

И это только начало. Вспомним, что в Дакисюро учится будущая элита Японии и я вообще-то собрался в скором времени в эту элиту войти. Раз уж мне выпал шанс прожить жизнь заново, да с моими прежними знаниями и навыками, то почему бы нет? А она за пару минут если и не перечеркнула эту затею, то сильно ее осложнила. Ведь в будущем мне, по идее, предстоит общаться именно с теми, кто сейчас здесь находится. Ну и чего я теперь добьюсь, с нулевой-то репутацией?

Но даже если не заглядывать так далеко, то можно вспомнить слова ее деда, те, что про накопление связей. И как мне теперь заводить знакомства и обрeатать связями? Тьфу ты, вот уж подгадила так подгадила.

— Ну, что замер-то? Все понял? Ну-ка повтори.

Нормально! Она что, специально это делает?

— Школа отморозков, ни во что не ввязываться, в случае проблем вызывать суперробота-трансформера Шину, — встав по стойке «смирно», доложил я. Ох и намучаюсь я теперь, исправляя содеянное этой терминаторшей.

— Что-то ты чересчур весел, — положив руку мне на плечо, сказала Шина. — Может, мне самой сломать тебе пару костей для профилактики? Чтоб ты осознал свое положение.

— Как пожелает прекрасная госпожа, — сказал я, изобразив скорбную покорность.

— Сакурай Синдзи! Если не прекратишь дурачиться, все может обернуться очень нехорошо для тебя.

— Да понял я, понял. Пойду лучше в свой класс, — и под пристальными взглядами окружающих направился к главному входу.

Школа, кстати, была основана более ста лет назад. Естественно, что она многократно перестраивалась. Последний раз это случилось двадцать три года назад, спасибо деду за

бесполезную информацию, и выглядела достаточно внушительно. Четыре корпуса, пять этажей, кирпич, стекло и пластик. Сколько-то там спортивных полей, четыре бассейна, множество пристроек и просто отдельных строений. Уверен, что и внутри все на уровне.

Сейчас я подходил к главному входу, находящемуся между двумя внешними выпуклыми, закругленными стенами, начиная со второго этажа — стеклянными. Сквозь стекло была видна лестничная клетка, по которой то и дело пробегали ученики.

Все классы первого курса находились на пятом этаже, видимо, чтоб молодые не расслаблялись, так что пришлось подниматься на самый верх. Найдя табличку «1-D», я вошел в класс и отметил, что треть мест уже занята, хотя до начала урока было еще далеко.

— Всем привет, народ! Что такие хмурые? Учебный год начался! Радоваться нужно! Подъем в семь утра, злобные учителя, проверки и экзамены, куча домашней работы, минимум выходных, прямо-таки рай на земле, а не школа! — Местные обитатели и вправду выглядели несколько... удрученно. Ну а так как контакты налаживать все равно нужно, то почему не сейчас?

— Новые друзья, новые знания, осенний фестиваль, красивые девушки, Валентинов день, в конце концов. — Темноволосый парень с конским хвостом до плеч и непослушной челкой чуть привстал со стула, выражая свои эмоции.

— Ботаник? — весело спросил я его.

— Не, зомбированный, — скорбно ответил он мне.

Что ж, лица парней и девчонок, сидящих в классе, разгладились, кое-где даже сверкнули улыбки. А большего мне пока и не надо.

Рядом с парнем, ответившим мне, как раз было свободное место. Так почему бы его мне и не занять? Подойдя к парте и положив на нее портфель, я протянул руку не сводящему с меня глаз парню:

— Сакурай Синдзи.

— Охаяси Райдон, — ответил он на рукопожатие.

Вообще Райдон оказался занимательным парнем, веселым, неглупым и в высшей степени неунывающим субъектом. А также представителем клана Охаяси, четвертым ребенком главы клана. Сам клан специализировался на летательных аппаратах — самолеты малого и среднего тоннажа, вертолеты и даже некоторые виды роботов. И все это как в гражданской, так и в военной модификации. В частности, знаменитый «истребитель беспилотников» МПИБА-4 — разработка именно «Охаяси Машин Групп».

Кланы, а точнее, национальные кланы — элита и аристократия любой страны этого мира. Признанные главой государства организации, заключившие с ним в некотором роде соглашение, дающее кланам весьма немалые права в обмен на безоговорочную лояльность. Причем замечу, они не становятся вассалами государя, они становятся, образно говоря, верными друзьями ему. И лояльность того или иного клана обеспечивается всеми кланами мира. Ведь никому не хочется потерять свои права и вольности из-за одного придурка. Так что честь и репутация для кланов — это все.

Представитель одного из них сидит за соседней партой. И, что не может не радовать, высокомерия в нем не наблюдается. Нормальный парень. Здесь же, кстати, на втором курсе

учится и его сестра. За полчаса, что оставались до начала урока, он успел рассказать мне немного о себе и почти о половине класса. Минут за пять до урока я спросил его:

— Слушай, откуда у тебя столько информации? Нет, я все понимаю, высший свет и все такое, тебе вроде как по должности полагается знать много народу, но не столько же. А ты в курсе дел у половины класса. Учítывая, сколько в этой школе учится народу, это как-то многовато.

— Да я сам удивляюсь. Я ж не ходячая энциклопедия, как моя сестра. Если взять всех моих знакомых сверстников, тех, кого я в лицо знаю, и запихнуть их в Дакисюро, получится примерно... четверть знакомых на каждый класс. Ну, это если равномерно их распределить. А ведь не все из них попали бы сюда. Есть и другие школы. Так что скорее всего это случайность, — пожал он плечами, — так уж получилось.

Самого урока как такового не было. Первый день как-никак. Учитель минут пятнадцать распинался про новый учебный год, новых друзей, новые возможности, про правила школы. В общем, обычный «новогодний» учительский треп. Который его самого уже, наверное, давно достал. Под конец своей речи посоветовал нам выкинуть из головы прошедшие каникулы и с новыми силами взяться за учебу. Предупредил, что вступление в клуб обязательно, напомнил про то, что на полдвенадцатого намечена вступительная церемония, и, так как на сегодня больше ничего не запланировано, убыл в неизвестном направлении.

На первом уроке подразумевалась самостоятельная работа, а остальное время перед церемонией отводилось на ознакомление со школой для новичков и на клубную деятельность для остальных. После ухода учителя весь класс разбрелся по кучкам. Кто-то знакомился друг с другом, кто-то сел играть в карты, а кто-то банально завалился спать. Особо прошаренные даже достали учебники, чтобы отмазаться, если что.

— Ну что будем делать? — спросил Райдон.

Классный парень этот Райдон. Нравится он мне, уж не знаю чем.

— Черт его знает, — ответил я. — Может, фильм какой посмотрим? — Свой КПК я всегда ношу с собой, а в Интернете, который и в этом мире называется так же, всегда можно найти, что посмотреть.

— Да ну его, пойдем лучше с девчонками познакомимся.

— Это с которыми?

— Вон с теми, — махнул он рукой.

— Ну прямо даже не знаю. Я же этот... — пощелкал я пальцами, — плебей. Ни родни, ни денег. О чем мне с ними говорить? — Против девушек я ничего не имел, но школьниц мне и соседских хватало. — Для таких знакомств нужно сначала обстановку промониторить, узнать, что к чему, а уж потом идти знакомиться. И это, кстати говоря, касается всех девушек, а не только богатеньких. Правда, конечно, когда есть такая возможность, вот как сейчас, например.

— Ой, да ладно тебе. Мы ведь только представимся, обозначим, так сказать, свое присутствие — и все. А для более тесного знакомства, ты прав, спешить не стоит. Насчет всего остального — забей. Что они, не люди, что ли? Девчонки где угодно девчонки, в любой социальной среде.

Хех, до чего докатился, меня учит знакомству с противоположным полом шестнадцатилетний пацан.

— Тем не менее что-то мне говорит, что конкретно эти особы пошлют нас далеко и надолго, — у меня и вправду было такое чувство.

— Ну ладно. Тогда пойдем к тем, — вновь махнул он рукой.

— Слушай, да ты прям девичий маньяк.

— И вовсе не маньяк, обычный парень, — смутился он.

— Обычные парни — вон, сидят в карты играют, а ты в первый же учебный день на школьниц бросаешься.

— Так весна же, — отбивался он, — гормоны и все такое.

— Гормоны — это да-а, — протянул я. — Гормоны — вещь вполне естественная. Ты, главное, меня ими не забрызгай.

Вот так, перебрасываясь шутками и подколками, лазая по Интернету, мы и дождались звонка об окончании урока. А выйдя из класса на перемену, я выяснил, что Шина, в своем неумном характере, сломала мой MP3-плеер.

* * *

— Что это у тебя? — Райдон смотрел на плеер, лежащий у меня на ладони. — Как ты его так?

— Да есть тут одна особа, любящая распускать руки, — сказал я с грустью. — Лет шесть меня колотила, но до сих пор ни разу ничего не ломала.

— Ну, все когда-нибудь бывает в первый раз, — похлопал он меня по плечу. — И что за особа?

— Кояма Шина. И пойдем уже, до церемонии осталось не так уж и много. — Просидев второй урок, мы стояли у класса, намереваясь идти в актовый зал на церемонию открытия. — Ну вот, а я так рассчитывал на плеер на церемонии.

— Кояма Шина? Ты знаком с Кояма Шиной?!

— А она такая знаменитость? Чего ты так удивляешься?

— Черт, да она считается сильнейшим подростком Японии, самый молодой Учитель за последние лет тридцать, наверное! И ты вот так просто говоришь, что тебя шесть лет бьет Гений клана Кояма?!

Что? Черт. Черт, черт, черт!

— Гений клана Кояма? — переспросил я осторожно.

— А ты думал! Этот клан вообще богат на гениев. Говорят, их глава — Кояма Кента — тоже стал Учителем лет в шестнадцать. Так что общественность считает, что Кояма Шина, как и ее дед, получит Виртуоза лет в тридцать.

Чисто для справки, если кто не знает, Виртуоз — это высочайший ранг в боевых искусствах. Таких людей максимум пятьсот на те миллиарды, что живут в этом мире. И они, вы уж мне поверьте, настоящие монстры.

Впрочем, меня сейчас занимают совсем не Шина и не ее ранги и умения. Вот только обдумывать это надо в более спокойной обстановке. Дома, например.

— Мм, прикольно. Виртуоз — это круто, — ответил я задумчиво.

— Слушай, это получается, что ты шесть лет знаком с Кояма Шиной?!

Оп-па. Он что, только сейчас это понял?

— Вообще-то я знаком с ней всю свою жизнь, — вторую, по крайней мере. — Она, если что, моя соседка.

— Ты, сосед... ты... — завис парень. — Повезло же тебе, — выдохнул он.

Повезло? Он что, сейчас сказал: «Повезло»?! Я покачал головой. Вот дурак человек.

— Что это ты головой машешь?

— Ничего, пойдем лучше, а то и вправду опоздаем.

Спросив у незнакомого второкурсника дорогу в актовЫй зал, мы направили свои стопы на церемонию открытия.

Сама церемония была стандартным мероприятием, проводимым всеми школами. По крайней мере, в средней школе именно так я встречал каждый учебный год.

Всех учеников выстраивали по классам в актовом зале, а в менее обеспеченных школах — в спортзале, и заставляли выслушивать, иногда по несколько часов, нудные речи директора и учителей. Примерно во второй половине этого действа ученикам начинали выдавать более информативные вещи, касающиеся школы. Именно тогда я узнал про некий ежегодный турнир, который начнется не в начале второго триместра, а в конце первого. А потом выступили президент школьного совета и один из новичков этого года. Президент всех стращал, а новичок агитировал прилежно учиться. Напомнив всем, что участие в школьных клубах обязательно, президент сообщил, что после церемонии клубы будут устраивать презентации, которые он настоятельно рекомендует посетить. Наконец, подводя итог всему этому словоблудию, директор пожелал ученикам удачи в новом учебном году и, закончив церемонию, всех отпустил.

Но, по-видимому, этот день задался целью расплавить мне мозг, и данная церемония входила в его великий план. Ибо ничем иным я не могу объяснить то, что директором этой школы оказался старик Кента. Глава клана Кояма и мой сосед.

* * *

— М-да... Слушай, Охаяси-кун, ты не в курсе, как зовут нашего директора? — спросил я.

Только что закончилась церемония открытия, и мы с Райдоном, выйдя во внутренний двор, стояли у самого выхода.

— Э-э-э... — Парень смотрел на меня удивленно-подозрительным взглядом. — Кояма Кента. Странно, что ты не знаешь этого, будучи их соседом.

— Ну да, ну да. Кояма Кента, — пробормотал я задумчиво. — Я, видишь ли, даже не подозревал, что он директор Дакисюро, так что была надежда, что он мне померещился.

— Надежда? — спросил удивленно брюнет.

— А, не обращай внимания, у меня с семейством Кояма немного запутанные отношения.

— Ясно. Ты лучше скажи, что сейчас делать будешь? Домой пойдешь или еще по школе побродим?

— Да что здесь интересного-то может быть? А если что и есть, со временем все равно увидим.

— Сакурай-кун, ты не забыл что вступление в школьный клуб обязательно? А сегодня как раз представления клубов. Надо бы пройтись, присмотреться.

— Клубы... — Мое лицо скривилось. — И как я мог забыть? — Легкое недовольство само собой появилось в голосе.

Я не был против школьных клубов, они мне были не интересны, и я их просто игнорировал. Но в Дакисюро это дело являлось обязательным и именно поэтому меня раздражало. Тем несколькими часам ежедневно, которые займет клубная деятельность, я мог бы найти более рациональное применение.

— Судя по твоему лицу, ты не горишь желанием вступать куда-либо, — хмыкнув, сказал Райдон. — Есть причины? Или просто лень?

— Понимаешь, не то чтобы я считал подобную затею бессмысленной, совсем наоборот, но у меня и без того есть чем заняться. Поэтому мне просто жаль тратить свое время на школьный клуб.

— Хм, понимаю. В таком случае тебе надо выбрать что-нибудь... — он пощелкал пальцами, — необычное. В этой школе если и не все, то очень многие клубы принимают активное участие в соревнованиях, выставках, презентациях. В Дакисюро клубам всеми силами помогают в этом. Так что тебе надо выбрать такой, у которого просто нет возможности куда-нибудь поехать и где-нибудь выступить. Что-нибудь вроде... ну, я не знаю, клуба оккультных наук.

— Да ну на фиг, неужто и такое есть?

— Да откуда же мне знать, может, и есть. Это я так, для примера. Ну, или, может, найдешь клуб, где разрешено минимальное участие. В любом случае надо смотреть.

— Ну что ж, тогда пойдем посмотрим...

Прервала меня девчонка, которая, пробегая мимо, врезалась мне в плечо. От толчка ее развернуло на сто восемьдесят градусов. Остановившись, она оказалась лицом к лицу с нами. И физиономия у нее была довольно-таки удивленная. С чего бы это?

Хотя прежде всего в глаза бросается не выражение ее лица, а волосы. Зеленые волосы. Острый подбородок, курносый носик, аккуратные губки, изумрудного цвета глаза — красивая, в целом, внешность. Но эта ее зеленая непотребщина на голове, собранная в два длинных хвоста, нехило раздражает глаз и отвлекает от всего остального.

Но вот удивление на ее лице ушло, и на смену ему пришло раздражение.

— Ты что, гаденыш, совсем страх потерял — посреди дороги стоять? Тут вообще-то люди ходят.

Я поднял брови в удивлении и демонстративно огляделся. Мы с Райдоном стояли у бордюра, с

правой стороны дороги.

— Прошу прощения? — переспросил я.

— Ты. Мешаешь. Мне. Пройти. Ты кто вообще такой?

Я так офигел, что даже ответил:

— Сакурай Синдзи.

— Эгей, а это не ты ли тот слабак, которому Кояма с утра лекцию читала?

Ну вот, начинается. Похоже, я становлюсь знаменитым. Что ж за день такой... длинный.

— А с кем, собственно, имею честь...

— Тебя, ничтожество, это не касается! Лучше ответь, какого ты мне ходить мешаешь?

Мм, матюгнуться-то как хочется.

— Какая воспитанная девушка. Что и неудивительно, с таким-то цветом волос.

Кажется, мне даже удалось сбить ее с толку.

— При чем здесь вообще мои волосы?

— Да так, Амстердам напомнили.

— Что? — с недоумением спросила она.

— Ничего-ничего, это я так, о своем, о девичьем. — И подтолкнув Райдона вперед, решил закончить разговор: — Ну мы пойдем, пожалуй. Всего хорошего.

Пройдя мимо нее, мы успели сделать всего пару шагов, когда зеленовласка очнулась.

— А ну стоять! Я вас еще не отпускала, — услышали мы за спиной.

Отпускала? Да кто она такая, чтобы разговаривать в таком тоне со мной? Резко развернувшись и почти мгновенно приблизившись к ней вплотную, я буквально прошипел ей в лицо:

— Если вы, сударыня, не понимаете вежливого языка, то скажу иначе: отвали, дрянь!

И удовлетворившись выражением удивления и замешательства на ее лице, вернулся к Райдону:

— Пойдем уже, наконец. Посмотрим на здешние клубы.

Отойдя на приличное расстояние от ошарашенной девчонки, Райдон спросил:

— Сакурай-кун, мне вот интересно, какая связь между цветом ее волос и Амстердамом?

— Сам я там не был, но читал как-то, что тамошние проститутки носят парики ярко-зеленого цвета. Типа, знак профессии. — И, кстати, я не солгал. В этом мире путаны действительно носят зеленые парики. Правда, только в Амстердаме. Нет, может, и в других местах имеется такое явление, но я про это не слышал. В этом мире вообще популярна мода на неестественный цвет волос, чего я не понимаю. Хотя я, пожалуй, не так выразился, нет

никакой моды. Синий, зеленый, розовый. Эти цвета так же привычны и естественны, как и натуральные русый, черный, рыжий. Не то чтобы все население этого мира ходило с разноцветными волосами, нет. Но и таких уникалов хватает.

— Хм, как ты ее. Надо бы запомнить.

Дорога, по которой мы шли, вела прямо к двум зданиям, связанным между собой переходом на уровне второго этажа. И именно там, как сказал нам пробежавший мимо третьекурсник, происходила презентация. Слева от нас стояло длинное пятиэтажное здание, а справа — более маленькое, трехэтажное. Во дворе сустились группки школьников, расставляя столы, стулья, тумбы. Таскали какие-то плакаты, устанавливали подиумы и стенды. И судя по скорости, с которой бежал народ, минут через двадцать они будут готовы представлять свои клубы.

— Ну что, пошли внутрь? Не ждать же нам, пока они будут готовы, — предложил Райдон.

— А они разве не на улице все будут?

— Нет, ты что. Здесь самые шумные, типа музыкальных, и те, у кого представление не влезает в клубную комнату.

А суэта все увеличивалась. Мимо нас пробежала девушка с бледно-розовыми волосами и охапкой каких-то рулонов. Прямо посреди дворика, рядом с кучей досок, ругались два парня, а недалеко от них на земле валялся третий, оседланный девчонкой в каком-то готическом платье, которая хлестала парня по щекам.

Первым мы посетили пятиэтажное здание с двумя выходами, с разных сторон и концов. Войдя в ближайший из них, мы увидели прямо перед собой лестницу на второй этаж, а справа — стеклянные двери, которые вели в широкий коридор, пронизывающий все здание.

Ах, весна. Лепестки сакуры, воздух, наполненный свободой и начинаниями, настроение, трепещущее в предвкушении. Вы спросите, с чего это я вдруг заговорил об этом? Все очень просто, на первой же табличке, которую мы увидели, было написано: «Клуб весеннего безумства». И это был первый клуб, который я увидел в школе Дакисюро. И хоть я не догоняю, на фига привязывать название клуба к конкретному времени года, мне было интересно, что прячется под такой табличкой.

Двери в этом здании отодвигались в сторону, так что, легко отодвинув ее, я так же легко, но гораздо быстрее закрыл ее.

— Я ничего не видел, — как можно более серьезно сказал я Райдону. — Чего и тебе советую.

Уже подходя к следующей, с надписью: «Клуб друзей», я услышал сзади звук отодвигающейся двери, а через мгновение — щелчок закрывающейся, топот приближающихся шагов и голос Райдона:

— Я тоже ничего не видел.

Все-таки у настоящих парней отношение к гомо однозначно одинаковое. Поэтому, переглянувшись, мы развернулись и пошли сразу на второй этаж.

В общей сложности на обход пяти, вру, четырех этажей корпуса мы затратили чуть больше часа. И, скажу я вам, было прикольно. В клубе робототехники умудрились принять участие в битве мелких роботов. Оба проиграли. У них тут даже клуб палеонтологии имеется с немалым

набором костей динозавров. Я даже раздумывал, не пойти ли мне к лингвистам, но, посмотрев на расписание клуба, передумал. Уж больно много запланировано поездок, посещений, лекций, встреч с представителями других школ и просто собраний клуба. В общем, слишком напряженный график.

В целом, количество и разнообразие было просто огромным. Мы даже наткнулись на клуб коллекционеров бутылочных крышек, правда, чтобы туда вступить, нужно было принести крышку, которой у них не было, а заниматься поисками мне было лень.

Уже уходя, так ничего и не выбрав, я предложил все же пробежаться по первому этажу, чисто для проформы. И каково же было мое удивление, когда мы наткнулись на табличку с названием: «Клуб оккультных наук».

— Ты глянь, — пихнул я Райдона. — Эта фигня все же здесь есть.

— Я правда не знал, — сказал тот удивленно. — Не думал, что тут имеется нечто подобное. Так, ляпнул от балды.

— Да не важно, — сказал я, оглянувшись. — Я на этом этаже в любом случае ни в какие клубы вступать не буду. Пойдем лучше отсюда.

Первое, что бросилось в глаза, когда мы вышли из здания, был подиум, на котором какой-то клуб устраивал костюмированное представление. Хотя скорей пантомиму, ибо слов мы так и не услышали. Но в целом получалось интересно. Чуть дальше и справа была выстроена нехилая трасса для маленьких радиоуправляемых машинок, по которой шныряли как минимум штук двадцать существующих и несуществующих моделей различных автомобилей.

— Ладно, — вздохнул я, — пойдем смотреть клубы боевых искусств, ты вроде в какой-то из них хотел вступить.

— Уверен? Мы даже во дворе не все посмотрели, а ведь еще есть второе здание, — ответил парень, кивнув на него головой. — Или ты уже выбрал, куда пойдешь?

— Не, просто надоело. Время пока есть, так что и посмотрю, и выберу. Потом.

— Понятно, — протянул брюнет. — Тогда можно, если хочешь, по домам, я все равно уже давно выбрал. Осталось только прийти и записаться, но это я могу и завтра сделать.

— А что так? И куда, кстати?

— Да им сегодня не до того, у них демонстрация сегодня. В первый день никто не принимает, я у сестры спрашивал. Я хочу пойти в клуб фехтования — рукопашке меня и дома обучат. Буду расширять, так сказать, кругозор.

— Ясно все с тобой. Ну пошли тогда на выход.

Мимо нас пробежала розововолосая девчонка. С рулонами бумаги.

— Она что, все это время так и бежит туда-сюда? — усмехнулся я.

В этот момент за спиной у нас раздался громкий... писк, я бы сказал. И обернувшись, мы увидели растянувшуюся на асфальте девушку, с кучей бумажных рулонов вокруг.

«Надо бы помочь, а то ведь затопчут», — подумал я, но вот сделать ничего не успел. Чтобы

собрать разлетевшиеся вещи, вскочить и убежать по своим делам, девушке потребовалось буквально две секунды. Как говорится у десантников: пятьсот один, пятьсот два — пошел!

— Ну ничего себе...

— Опыт, видимо.

Что ж, может и так. В любом случае скоротечность произошедшего меня сильно впечатлила. Это было быстро, четко и смешно.

Когда мы уже почти вышли со двора, нам преградила путь небольшая толпа школьников, что, конечно, не смертельно, но немного раздражало. Те, за кем они наблюдали, находились рядом с дорогой. Это была группа школьников с музыкальными инструментами. Барабанщик у них, кстати, по-моему, парень. Только какой-то он... женоподобный. Да что же это за школа такая, а? А девушки ничего так, впрочем, как и большинство местных.

— Послушаем? Они сейчас начнут, — спросил Райдон.

Можно и послушать, мы все равно никуда не спешим.

— А давай. Заценим тутошних красоток.

Красотки, между прочим, были в каких-то фэнтезийных костюмах. Или лучше сказать: анимешно-фэнтезийных?

Начало проигрыша я не узнал. Не то чтобы я был особым меломаном, но шанс на узнавание у меня имелся. А вот слушая саму песню, я постепенно выпадал в осадок. И дело было не в том, что пела солистка на русском, как раз это в данном мире нормально: русский здесь так же популярен, как английский или немецкий, к слову говоря. Поразил меня сам текст. Я был на сто процентов уверен, что подобная песня была в моем мире! Черт, да я даже помню имя автора стихов! Нет, слышал я, конечно, песни, похожие на те, что пели в моем мире, но вот чтобы один в один — впервые. «Стояли двое у ручья, у горного ручья...» Олег Ладыженский, если мне память не изменяет. В моем мире, по крайней мере. Хех, впрочем, мне ли, говорить об удивительных случайностях? Удивительно то, что я вообще с подобным впервые столкнулся. Все-таки в частностях этот мир и мой прежний очень похожи.

И кстати, голосок у девочки очень даже. И акцент почти не слышен. Да и у остальных мордашки ничего. Ну кроме барабанщика. И...

— О-о-о... Я, кажется, придумал, что делать.

— Ты про клуб? Только не говори, что решил вступить в эту группу, — сказал он, посмотрев на меня. — У тебя же совсем времени не будет в музыкальном-то клубе, — и, наконец, задал вопрос, который, по идее, должен был прозвучать первым: — Ты что, умеешь на чем-то играть? Или петь?

— И то и другое. Но тогда, как ты и сказал, у меня на себя времени совсем не будет. Не-э-эт. Я кое-что другое придумал. Давай сейчас не будем об этом, — влом объяснять. — Не хочу сглазить. Но если все получится, я буду появляться там нечасто.

— Ладно, как скажешь... Но как только, так сразу.

Вот правильный Райдон парень, не лезет, не надоедает. Обозначил интерес — и все.

— Ты будешь первым, кому я все расскажу. А вообще, надо бы пробить тему насчет клубов, навести, так сказать, справки. Вдруг можно будет отмазаться как-то иначе.

— Ну это вряд ли, — покачал головой мой приятель. — Если и есть какая-то информация о том, как отвертеться, то ученики скорее всего не в курсе. А те, кто в курсе... Мы с такими не знакомы.

— Ты просто забываешь, кто мои соседи, — хмыкнул я.

— Директор, ну да, точно. Но он может и не пойти на контакт.

— У этой семейки теперь имеется ко мне должок. Так что я еще посмотрю, как он отбрехиваться будет.

— Мм... Тебе лучше знать, — неуверенно протянул молодой аристократ.

— Ну да, ну да. Пойдем уж, наконец, выберемся на волю.

И обойдя по газону толпу школьников, перегородивших асфальтовую дорожку, мы отправились к выходу из школы.

У школьных ворот Райдон остановился.

— Тебе куда сейчас? — спросил он.

— Да вот, прямо по дороге. Я тут недалеко живу.

— Везет. А я на другом конце города. Мне в ту сторону, — махнул он рукой влево, — на автостоянку.

— Мажорик, хех? — подколот я его. — Пробки-то не мешают?

— Не напоминай. Чую, придется мне на метро добираться.

— На нашем-то метро в час пик? Сочувствую.

— Говорю же, не напоминай.

— Так снял бы квартиру поближе.

— Мм... Видишь ли, тут есть пара нюансов. Во-первых, черта с два тут чего-нибудь снимешь, район-то элитный. — Нормально! Столько лет здесь живу и только сейчас об этом узнаю. — А во-вторых, кто меня учить и тренировать станет? Родители-то ведь дома будут. А еще нужен полигон, тренировочный зал, инвентарь, в конце концов.

Ну да, ну да. Он же из клановой аристократии. Боевые искусства — наше все. Родовая техника, секретные приемы и все такое. Да и не только боевые искусства, его как аристократа много чему учат.

— Ухм, понятно. Ну я на этот счет не заморачиваюсь. Вся эта бредятина про управление внешней энергией и великое воинское искусство не для меня. Я лучше лишний раз в Инет загляну, — ведь я немало денег зарабатываю с его помощью.

— Это ты зря, каждый мужчина дол...

— Фу, давай не будем об этом, мне Кояма и так уже весь мозг вынесли.

— Как знаешь. Но даже один раз неумение постоять за себя может поломать тебе всю жизнь.

— А кто сказал, что я не могу постоять за себя? — ухмыльнулся я.

— Э-э-э... Мм... — Уверен, он много чего мог привести в ответ, ведь боевые искусства в этом мире неразрывно связаны с энергией бахир — внешней энергией (если полностью, то бахиранга-шакти — внешняя энергия Господа), но воспитание не дало. Аристократия. — Что ж, тебе и вправду лучше знать. Ладно, пойду я. А то мне до дому еще добираться и добираться.

Распрощавшись, мы направились каждый в свою сторону.

Забавно, по идее, сегодня ничего такого не случилось, фактически весь день мы ничем не занимались. Но при этом я успел узнать столько нового и жизненно для меня важного, что голова буквально пухнет от мыслей. Мне просто необходимо присесть, расслабиться и обдумать полученную сегодня информацию. Так что быстрее к себе. До дому, до хаты. Перекусить, приготовить чай... Сделать крюк по пути к дому и купить чего-нибудь к чаю, а затем в спокойствии обдумать, что же мне теперь со всем этим делать.

И откинув лишние мысли, а нелишние задвинув подальше, я пошел домой.

<http://tl.rulate.ru/book/57069/1457845>